

*Все события, имевшие место
после пяти часов пополудни
9 мая 1940 года,
являются вымышленными.*

ПРОЛОГ

*Лондон, Даунинг-стрит, 10, Зал заседаний правительства,
16 часов 30 минут, 9 мая 1940 года*

Черчилль прибыл последним. Он резко постучал в дверь один раз и вошел. За высокими окнами угасал теплый весенний день, длинные тени ложились на плац Конногвардейского полка. Марджессон, главный кнут¹ Консервативной партии, сидел с премьер-министром Чемберленом и министром иностранных дел лордом Галифаксом за дальним концом длинного стола в форме гроба, стоявшего посреди зала заседаний правительства. Когда Черчилль подошел, Марджессон, одетый, как всегда, в строгий утренний костюм черного цвета, встал.

— Уинстон.

Черчилль кивнул главному кнуту, твердо глядя ему в глаза. Марджессон, ставленник Чемберлена, попортил Черчиллю немало крови перед войной, когда тот выступил против политики партии в отношении Индии и Германии. Черчилль повернулся к Чемберлену и Галифаксу, правой руке премьер-министра в осуществлении правительственной стратегии умиротворения Германии.

— Невилл. Эдуард.

Оба выглядели неважно; никакого намека на свойственную Чемберлену полуушмешку, как и на гордую заносчивость, вызвавшую раздражение в палате общин накануне, во время дебатов по поводу военного поражения в Норвегии. Девяносто консерваторов проголосовали вместе с оппозицией или воздержались, Чемберлен покинул зал под крики «Долой!».

Глаза премьер-министра были красными от недосыпания, а может, даже от слез, хотя сложно было представить Невилла

---

¹ *Главный кнут* — в английском парламенте человек, которому поручено следить за дисциплиной среди членов фракции.

Чемберлена плачущим. Прошлым вечером по взбудораженной палате общин пронесся слух, что эти события могут похоронить карьеру премьер-министра.

Галифакс выглядел несколько лучше. Непомерно высокий и тощий, он, как всегда, держался прямо, но лицо его было смертельно бледным, белая кожа обтягивала длинный угловатый череп. Поговаривали, что для премьерства у него кишка тонка — в буквальном смысле: при сильных потрясениях лорда скручивало от мучительных колик в животе.

— Каковы последние новости? — обратился Черчилль к Чемберлену. Его низкий голос звучал мрачно, шепелявость резала ухо.

— Все больше немецких войск подтягивается к бельгийской границе. Нападение может начаться в любой момент.

С минуту висела тишина, и вдруг громко затикали каретные часы на мраморной каминной полке.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — сказал Чемберлен.

Черчилль опустил в кресло.

— Мы довольно долго обсуждали вчерашнее голосование в палате общин, — спокойно и озабоченно продолжил Чемберлен. — И пришли к выводу, что существуют серьезные препятствия для моей дальнейшей работы в должности премьер-министра. Я решил уйти. Все меньше членов партии поддерживают меня. Если в повестку дня внесут вотум недоверия, вчерашние воздержавшиеся могут проголосовать против правительства. А при выяснении настроений лейбористов стало понятно, что они готовы войти в коалицию только при назначении нового премьер-министра. При таком уровне личной антипатии я считаю невозможным и далее занимать свою должность.

Чемберлен посмотрел на Марджессона, словно прося поддержки, но главный кнут лишь печально кивнул:

— Если нам предстоит создать коалицию, а мы просто обязаны сделать это, единство нации является необходимым условием.

Глядя на Чемберлена, Черчилль смог найти в себе сочувствие к нему. Этот человек потерял все: два года он старался удовлетворять требования Гитлера и решил, что в Мюнхене тот наконец получил все желаемое. Но месяц спустя фюрер вторг-

ся в Чехословакию, а затем в Польшу. За польской кампанией последовали семь месяцев военного бездействия, «странная война». Еще в начале апреля Чемберлен уверял палату общин, что Гитлер «пропустил автобус» и не сможет приступить к весенней кампании, но тот внезапно начал вторжение и оккупировал Норвегию, отбросив английские войска. На очереди была Франция. Чемберлен посмотрел на Черчилля, на Галифакса и заговорил снова; голос его по-прежнему ничего не выражал:

— Выбор между вами двумя. Я готов, если понадобится, работать под началом любого из вас.

Черчилль кивнул, откинулся на спинку кресла и посмотрел на Галифакса, встретившего его взгляд холодным испытующим взором. Черчилль понимал, что у Галифакса на руках почти все карты, что большинство консерваторов желает видеть его новым премьер-министром. Он был вице-королем Индии, много лет занимал ключевую должность в правительстве — сдержанный, олимпийски спокойный аристократ, пользующийся одновременно доверием и уважением. К тому же большинство тори так и не простили Черчиллю его либерального прошлого, как и несогласия с политикой собственной партии относительно Германии. Они смотрели на него как на авантюриста, человека ненадежного и склонного к необдуманным решениям. Чемберлен хотел видеть своим преемником Галифакса, так же как Марджессон и большинство членов Кабинета. Этого же, как знал Черчилль, желал и король, друживший с Галифаксом. Но у Галифакса не было огня в жилах — один пшик. Черчилль ненавидел Гитлера, а Галифакс относился к вождю нацистов с неким патрицианским презрением; однажды он обмолвился, что внутри Германии фюрер осложнил жизнь разве что профсоюзным деятелям и евреям.

А вот популярность Черчилля после объявления войны в сентябре прошлого года заметно выросла. Когда его предостережения о вероломстве Гитлера оправдались, Чемберлену пришлось вернуть Черчилля в Кабинет. Но как разыграть этот единственный козырь? Черчилль поудобнее устроился в кресле. «Ничего не говори, — сказал он себе, — выждидай и смотри, как ведет себя Галифакс: хочет ли он сам заполучить должность, и насколько сильно».

— Уинстон, — начал Чемберлен, и на этот раз в его голосе послышалась вопросительная интонация. — Вы бешено схлестнулись с лейбористами во время вчерашних дебатов. И всегда были их яростным оппонентом. Как полагаете, способно это обстоятельство стать препятствием для вас?

Ничего не сказав, Черчилль резко встал, подошел к окну и посмотрел на залитую вечерним весенним солнцем улицу. «Не отвечай, — подумал он. — Пусть Галифакс выдаст себя».

Каретные часы отбили пять — звон был высокий, пронзительный. Едва они закончили, как послышались гулкие удары Биг-Бена. Когда последнее эхо смолкло, Галифакс наконец заговорил.

— Я полагаю, — сказал он, — что лучше прийти к соглашению с лейбористами.

Черчилль повернулся к нему, внезапно приняв гневный вид:

— Испытание, которое нам предстоит, Эдуард, будет чрезвычайно жестоким.

У Галифакса был вид уставшего, доведенного до отчаяния человека, но на его лице проступила решимость. Он все-таки нашел в себе волю.

— Вот поэтому, Уинстон, я и хотел бы ввести вас в создаваемый ныне, более узкий военный Кабинет. Вы станете министром обороны, на вас ляжет вся ответственность за ведение войны.

Черчилль обдумывал предложение, медленно шевеля тяжелой нижней челюстью. Возможно, возглавив военное ведомство, он получит перевес над Галифаксом и рано или поздно займет пост премьер-министра. Все завит от того, кому еще Галифакс отдаст портфели.

— Как насчет других? — спросил он. — Кого вы назначите?

— От консерваторов будем вы, я и Сэм Хор — мне кажется, такой расклад лучше всего отражает соотношение взглядов внутри партии. От лейбористов войдет Эттли, а интересы либералов станет представлять Ллойд Джордж. Это еще и фигура общенационального масштаба, человек, приведший нас к победе в восемнадцатом году. — Галифакс повернулся к Чемберлену. — Вы, Невилл, как я считаю, можете принести больше всего пользы в качестве лидера палаты общин.

ПРОЛОГ

Новости были плохие, хуже некуда. Хотя в последнее время Ллойд Джордж пытался сдать назад, все тридцатые годы он воспевал Гитлера, называя его германским Джорджем Вашингтоном. А Сэм Хор, архиумиротворитель, был давним недругом Черчилля. Эттли, при всех расхождениях с Черчиллем, был бойцом, но они вдвоем оказывались в меньшинстве.

— Ллойд Джорджу семьдесят семь, — заметил Черчилль. — Сможет ли он нести такой груз?

— Думаю, да. К тому же его назначение укрепит дух нации. — Голос Галифакса звучал теперь более уверенно. — Уинстон, мне бы очень хотелось иметь вас рядом с собой в этот час.

Черчилль колебался. Создаваемый военный Кабинет связывал его по рукам и ногам. Он понимал, что Галифакс решил стать премьер-министром против своего желания, из соображений долга. Конечно, Галифакс старался бы изо всех сил, но сердце его не лежало к предстоящей борьбе. Подобно многим другим, он сражался в Великой войне и страшился нового кровопролития.

Сперва Черчиллю захотелось отказаться, но потом он решил: какой из этого прок? И Марджессон сказал правильно: единство народа сейчас важнее всего. Он будет делать все, что может, и куда может. Раньше в тот же день ему показалось, что наступил его час, но все-таки этого не случилось. Пока не случилось.

— Я буду работать под вашим началом, — с тяжелым сердцем проронил он.

ГЛАВА 1

Ноябрь 1952 года

Почти все, кто ехал до станции метро «Виктория», направлялись, подобно Дэвиду с семьей, на парад Поминального воскресенья. Утро выдалось холодным, и мужчины, и женщины были в черных зимних пальто. Шарфы и сумочки тоже были черными или темно-коричневыми, единственное цветное пятно — алые маки в петличках. Дэвид втолкнул Сару и ее мать в вагон, они нашли две пустые деревянные скамьи и уселись лицом друг к другу.

Когда поезд, стуча колесами, тронулся со станции «Кентон», Дэвид огляделся. Все держались печально и торжественно, как и подобало в такой день. Пожилых людей было относительно немного — большая часть ветеранов Великой войны, как, например, отец Сары, уже прибыли в центр Лондона и готовились к прохождению мимо Кенотафа. Дэвид и сам был ветераном — участником второй войны, недолгого конфликта 1939–1940 годов, который люди называли Дюнкеркской кампанией или Еврейской войной, в зависимости от политических предпочтений. Но Дэвиду, воевавшему в Норвегии, и прочим уцелевшим бойцам той побитой и посрамленной армии, за отступлением которой из Европы последовала скорая капитуляция Британии, не полагалось участвовать в церемониях Поминального дня. Как и английским солдатам, погибшим в бесчисленных столкновениях в Индии, а потом и в Африке — тех, что начались после подписания мирного договора в 1940 году. Поминальный день приобрел политический подтекст: помните о бойне Первой мировой, когда Англия и Германия противостояли друг другу, помните, что она не должна повториться. Британия обязана оставаться союзницей Германии.

— Очень облачно, — сказала мать Сары. — Только бы дождь не пошел.

— Все будет хорошо, Бетти, — обнадежил ее Дэвид. — Прогноз говорит, что будет просто пасмурно.

Бетти кивнула. Пухлая низенькая женщина шестидесяти с лишним лет, она посвятила свою жизнь заботам об отце Сары, которому взрывом оторвало половину лица — в 1916 году, на Сомме.

— Джиму будет очень неуютно шагать под дождем, — сказала она. — Капли станут затекать под протез, а снять его он не сможет.

Сара взяла мать за руку. Ее квадратное лицо с твердым округлым подбородком — отцовским — несло печать достоинства. Длинные светлые волосы, курчавившиеся на концах, выбивались из-под скромной черной шляпки. Бетти улыбнулась дочери. Поезд остановился на станции, стали входить люди.

— Пассажиров сегодня больше, чем обычно, — обратилась Сара к Дэвиду.

— Всем хочется в первый раз посмотреть на королеву, я полагаю.

— Надеюсь, нам удастся разыскать Стива и Айрин, — посетовала Бетти, снова забеспокоившись.

— Я велела им ждать нас у билетных касс на «Виктории», — ответила Сара. — Они будут там, милая, не переживай.

Дэвид смотрел в окно. Его не радовала перспектива провести половину дня в обществе сестры жены и ее мужа. Айрин, вполне добродушная, была, однако, набита дурацкими идеями и ни на минуту не затыкалась. А вот Стива, скользко-обаятельного и в то же время надменного, с убеждениями чернорубашечника, Дэвид терпеть не мог. Придется, как всегда, держать рот на замке.

Перед въездом в туннель поезд резко остановился. Послышался свист воздуха, вырывавшегося из тормозов.

— Только не сегодня, — произнес кто-то. — Опозданий становится все больше. Это позор.

Из окна вагона Дэвид видел ряды плотно стоявших лондонских домов, кирпичных, в пятнах сажи. Над трубами поднимался серый дым, во дворах сушилось белье. Улицы были пустыми. В окне расположенной прямо под ними бакалейной лавки висело приметное объявление: «Здесь принимаются продуктовые

талоны». Поезд резко дернулся и втянулся в туннель, но несколькими секундами позже остановился. Дэвид смотрел на отражение своего лица в темном окне. Голова над просторным темным пальто с широкими белыми отворотами. Коротко подстриженные черные волосы прячутся под котелком, видны лишь несколько непокорных локонов. Благодаря округлым, правильным чертам лица он выглядит моложе своих тридцати пяти и кажется обманчиво мягким. Ему вдруг вспомнилось, как в детстве мать постоянно говорила заглядывавшим к ней подругам: «Ну какой милашка, разве не хочется прямо взять его и съесть?» Когда она произносила эти слова со своим резким дублинским выговором, он смущенно сжимался. Всплыло еще одно воспоминание: ему было тогда семнадцать, и он выиграл межшкольный кубок по прыжкам в воду. Вот он стоит на вышке, внизу море лиц, трамплин легонько покачивается под ногами. Два шага вперед, потом полет вниз, к шире спокойной воды, секундный страх и, наконец, возбуждение, с которым он врывается в объятия тишины.

Стив и Айрин ждали на «Виктории». Айрин, старшая сестра Сары, — такая же высокая блондинка, но с ямочкой на подбородке, как у матери. Стив — красавчик на этакий хулиганский манер с тонкими черными усиками: Эррол Флинн для бедных. Черная фетровая шляпа покоилась на густой шевелюре набриллированных волос — пожимая свояку руку, Дэвид уловил химический аромат.

— Как там государственная служба, старик? — осведомился Стив.

— Живем помаленьку, — улыбнулся Дэвид.

— Все надзираете за империей?

— Вроде того. Как мальчики?

— Шикарно. С каждой неделей все больше и все шумнее. На следующий год возьмем их с собой, будут уже достаточно взрослыми.

Дэвид заметил тень, пробежавшую по лицу Сары, и понял, что она подумала про их мертвого сына.

— Нужно спешить, чтобы пересесть на поезд до Вестминстера, — сказала Айрин. — Только поглядите, сколько народу.

Они влились в поток людей, направлявшихся к эскалатору. В густой толпе пришлось убавить шаг до бесшумного топтания. Дэвид вспомнил, как в бытность солдатом он вот так же плелся среди усталых бойцов, ожидавших посадки на корабли, которые эвакуировали английскую армию из Норвегии в 1940 году.

Они свернули к Уайтхоллу. Контора Дэвида располагалась сразу за Кенотафом; прохожие все еще почтительно снимали шляпы, проходя мимо памятника — по привычке, хотя таких становилось все меньше: со времени окончания Великой войны минуло уже тридцать четыре года. Небо было серовато-белым, воздух — холодным. Дыхание облачками пара срывалось с губ, когда люди, спокойно и уважительно, занимали места за низким металлическим ограждением напротив белого прямоугольника Кенотафа, перед которым выстроились шеренгой полицейские в толстых шинелях. Некоторые были обычными констеблями в шлемах, но многие были сотрудниками вспомогательных частей особой службы, судя по островерхим шапкам и приталенным синим мундирам. Когда в сороковые годы создавали вспомогательные части, для подавления растущего общественного недовольства, отец Дэвида сказал, что они напоминают ему черно-пегих¹, жестоких окопных ветеранов, которых Ллойд Джордж набирал в помощь полиции во время войны за независимость Ирландии. Все были вооружены.

В последние несколько лет церемония изменилась: служащие больше не выстраивались на площади вокруг Кенотафа, загораживая обзор зрителям, а на плиты тротуара за ограждением положили деревянные помосты, чтобы люди могли лучше видеть происходящее. Это было частью того, что премьер-министр Бивербрук назвал «демистификацией события».

Семейству удалось занять хорошее место напротив большого викторианского здания на Даунинг-стрит, в котором размещалось Министерство доминионов, где работал Дэвид. За огражде-

---

¹ *Черно-пегие* — полицейские особого резерва полиции Ирландии, получившие прозвище из-за разношерстной формы.

дениями, по трем сторонам пустынной площади вокруг Кенотафа, уже расположились военные и религиозные чины. Офицеры были в парадных мундирах, архиепископ Хедлем, глава оставшейся верной ему части англиканской церкви — другая часть откололась из-за его уступок режиму, — в роскошном зелено-золотом облачении. Рядом стояли политики и послы, каждый с венком. Дэвид обвел их взглядом. Был тут и премьер-министр Бивербрук с морщинистым, как у мартышки, лицом; уголки его мясистых губ печально обвисли. В течение сорока лет — после того как он переехал в Англию из Канады, сопровождаемый шлейфом бизнес-скандалов, — Бивербрук строил газетную империю и одновременно занимался политическими хитро-сплетениями, продвигая идеи свободы предпринимательства, сохранения империи и умиротворения среди широкой публики и государственных деятелей. Мало кто доверял ему, никто не собирался за него голосовать, и после смерти Ллойд Джорджа в 1945 году члены коалиции сделали его премьер-министром.

Лорд Галифакс, премьер-министр, сложивший полномочия после капитуляции Франции, стоял рядом с Бивербруком, возвышаясь над ним на целый фут. Галифакс совсем облысел, его лицо под шляпой казалось мертвенно-бледным, глубоко посаженные глаза с каким-то странным безразличием смотрели поверх толпы. Близ него расположились коллеги по бивербрукской коалиции: министр внутренних дел Освальд Мосли, высокий и прямой, как шомпол; министр по делам Индии Энох Пауэлл, всего лишь сорокалетний, но выглядевший намного старше, с черными усами, мрачный как туча; виконт Суинтон, министр доминионов, начальник Дэвида, рослый, с осанкой аристократа; министр иностранных дел Рэб Батлер, тип с мешковатой жабьей физиономией; лидер коалиционных лейбористов Бен Грин, один из немногих видных лейбористов, восхищавшихся нацистами в тридцатые годы. Когда в 1940 году лейбористы раскололись, Герберт Моррисон возглавил меньшинство, выступившее в поддержку мирного договора и вошедшее в коалицию с Галифаксом, — он был из тех политиков, для которых амбиции затмевают все. Но в 1943-м он ушел в отставку, сочтя, как и некоторые другие деятели, вроде консерватора Сэма Хо-

ра, что Англия слишком рьяно поддерживает Германию. Все они, получив титул пэра, удалились к частной жизни.

Были здесь и представители доминионов, тоже в темных пальто. Дэвид узнал нескольких верховных комиссаров, с которыми сталкивался по работе, — например, коренастого и хмурого Форстера из Южной Африки. Позади них стояли послы других стран, сражавшихся в Великой войне: Роммель из Германии, зять Муссолини Чиано, дипломаты из Франции и Японии, Джо Кеннеди из США. А вот представителя России не было: как союзница Германии, Британия все еще официально находилась в состоянии войны с Советским Союзом, хотя не имела возможности отправить свои войска в гигантскую мясорубку под названием «советско-германская война», которая продолжалась уже одиннадцать лет на фронте протяженностью в тысячу двести миль.

Чуть поодаль группа людей окружала телекамеру для вне-студийного вещания — здоровенную приземистую штуковину с тянувшимися из нее толстыми проводами, с надписью «Би-би-си» на боку. Рядом с ней виднелась дородная фигура Ричарда Димблби, что-то говорившего в микрофон, хотя Дэвид находился слишком далеко, чтобы расслышать слова.

Сара поежилась и потеряла ладони, обтянутые перчатками.

— Черт, как холодно. Бедный папа промерзнет до костей, дожидаясь начала марша. — Она посмотрела на Кенотаф, голый белый мемориал. — Господи, как все печально.

— Ну, мы хотя бы знаем, что войны с Германией никогда больше не будет, — сказала Айрин.

— Глядите, вот она, — проговорила Бетти сдавленным от благоговения голосом.

Из Министерства внутренних дел вышла королева. Сопровождаемая королевой-матерью, бабушкой, старой королевой Марией, и несшими венки придворными, она встала перед архиепископом. Милое молодое личико плохо сочеталось с черным одеянием. То было одно из немногих ее появлений на публике с тех пор, как умер ее отец — в этом же году. Дэвиду показалось, что королева выглядит усталой и испуганной. Глядя на нее, он вспомнил лицо покойного Георга VI в 1940 году, когда тот ехал по Уайтхоллу в открытой машине рядом с Адольфом

Гитлером. Это было во время официального визита фюрера после подписания Берлинского мирного договора. Дэвид тогда поправлялся после полученного в Норвегии обморожения и смотрел церемонию по телевизору: его купил отец, когда Биби-си возобновила трансляцию, одним из первых на улице. Гитлер, похоже, был на седьмом небе: сияющий, раскрасневшийся, розовощекий. Его мечта о союзе с арийской Британией наконец-то сбылась. Он улыбался и махал молчаливой толпе, король же сидел с застывшим лицом, лишь иногда вскидывая руку, и отклонялся в противоположную сторону. Некоторое время спустя отец Дэвида сказал, что с него хватит, и перебрался к своему брату в Новую Зеландию. Дэвид тоже уехал бы, если бы знал, как все обернется, послав к чертям государственную службу. Слава богу, подумал Дэвид с чувством, что мать не дожила до всего этого.

Сара глядела на королеву.

— Бедная женщина, — сказала она.

Дэвид покосился на нее.

— Зря она позволила сделать из себя марионетку, — проговорил он едва слышно.

— Разве у нее был выбор?

Дэвид не ответил.

Люди в толпе поглядывали на часы, а когда Биг-Бен начал отбивать одиннадцать ударов, разнесшихся по Вестминстеру, все замолчали, сняли шляпы и шапки. Затем, оглушительно громко среди безмолвия, выстрелила большая пушка, отмечая тот миг, когда в 1918 году смолкли орудия. Все склонили голову в двухминутном молчании, вспоминая о страшной цене, уплаченной Британией за победу в Великой войне, или, как Дэвид, за поражение сорокового года. Две минуты спустя полевая пушка на плацу Конной гвардии выстрелила снова, обозначив конец паузы. Горнист затрубил отбой, похоронный сигнал звучал невыразимо тоскливо и печально. Люди слушали молча, подставив обнаженные головы холоду, лишь изредка раздавался чей-нибудь сдавленный кашель. Всякий раз, присутствуя на церемонии, Дэвид удивлялся, как никто в толпе не расплчется или, памятуя о недавнем прошлом, не упадет с воем на землю.